

Информация. — 1997. — 15 авг. — с. 7.

Эмигрантская эстрада заканчивается

После пятилетнего пребывания в Америке вернулся на родину музыкант Слава Медяник. Он разъезжает по Москве на сером «Форде» с калифорнийскими номерами и рассчитывает, что скоро обретет на отечественном шоу-рынке столь же весомые позиции, какие завоевал на далекой океанической улице Брайтон.

Широкой российской аудитории улица эта известна пока больше, чем творчество Славы, но в тусовке столичного поп-бомонда заокеанского возвращенца особо представлять не надо. Гирлянда наших первостепенных звезд не только слушала его песни, но и с удовольствием выпивала и закусывала в его обществе, расслабляясь за столиками нью-йоркских ресторанов.

Необходимая биографическая справка: с 80-го по 82-й год Медяник трудился солистом в коллективе сестер Ротару, приписанном к Черновицкой филармонии, далее отбыл под Одессу, в Измаил, где самоотверженно развлекал посетителей местных центров питания и досуга и, наконец, оказался в далеком Красноярске. Занявшись бизнесом, связанным с тиражированием кассет, Слава стремительно поднялся и в короткий срок смог купить себе целую студию. Там он и записал свой дебютный альбом «Песни с обочины-1». В 89-м, записав продолжение «Песни с обочины-2», Медяник вырвался в Америку, погнавшись куда он когда-то не думал, не гадал...

Мне довелось не раз услышать и в Москве и в Нью-Йорке суждения о том, что Слава является если не бароном тамошнего музыкального мира, то, во всяком случае, персоной весьма авторитетной, неким серым кардиналом. «Ну, это сильно заявлено, — считает Медяник. — Скажем так, со мной там считались и считаются до сих пор».

— Если не говорить о музыкантах, перебравшихся туда в «эпоху развитого социализма», а сосредоточиться лишь на тех, кто перелетел Атлантику уже в период оттепели, скажи, они имели большие шансы на благополучие? И может ли сейчас какой-нибудь российский артист предпринять подобный вояж и с успехом выйти на брайтонский рынок?

— Это крайне сложно. Брайтонский музыкантский рынок перенасыщен. Приезжают шикарные профессионалы, высокого уровня и не могут найти работу.

Не смог утвердиться на Брайтоне бывший солист «Песняров», который пел «Беловежскую пушу» и другие известные песни. Ему попытались устроить несколько концертов, но народ не отреагировал. Он помыкался, помыкался и сейчас вообще неизвестно где.

— Какие рестораны считаются большими по американским меркам и сколько в них может быть штатных музыкантов?

— Большие рестораны — те, в которых более 200 мест. А работать в них могут от одного до семнадцати человек.

— Веселящиеся тоже заказывают там свои любимые песни?

— Конечно, все, как у нас. Часто просят сыграть из Киркорова, Леонтьева, Шуфутинского. Если поет девушка, то обязательно старается походить на Успенскую.

— Можешь назвать наиболее престижные площадки нашей эмиграции?

— На Брайтоне — «Националь», «Распутин» и, думаю, «Лидо». «Националь» — один из старейших русских ресторанов там. Его хозяин Марк, по прозвищу Гном, очень любит артистов, и у него постоянно кто-то выступает, и всегда полно народу.

Конечно, если приезжают суперзвезды, снимаются площадки в Атлантик-Сити или «Радио Сити» в Манхэттене.

— А как определяют, кто суперзвезда, кто не супер?

— Телевидение. Если часто мелькает на экране, значит, рейтинг высокий. Там ведь два русскоязычных ТВ — WMNB, RTN. Они транслируют почти все лучшие музыкальные программы из России, да еще и отбирают из них самое ценное.

— Скажи, а концерты наших в таких залах, как «Тадж-Махал», «Мэдисон Сквер Гарден», действительно имеют какую-то логику или деньги на их организацию отстегиваются исключительно во имя пафоса?

— Нет, концерты в «Мэдисон» — как раз серьезно. Эмигранты ту-



Слава Медяник собственной персоной.



Евгений Петросян в гостях у заокеанского друга.

да активно приходят. На «Песне года», сольниках Киркорова, Пугачевой — аншлаги. Хотя билеты достаточно дорогие — в первые ряды по 200—300 долларов.

— Существуют ли те, кто контролирует рынок российской музыки там? Скажем, может ли продюсер какой-нибудь российской звезды организовать ее гастроль в Америке, не координируясь ни с кем из представителей эмигрантского менеджмента?

— Вряд ли. Все равно нужно действовать через людей, работающих там. Здесь вообще превратное мнение о заокеанских гастролях. По большому счету, это просто выступления по крупным кабакам тех городов, где проживает достаточное количество русскоговорящей публики. Поэтому если действовать самостоятельно, то сложно рассчитывать на стабильность. Тогда нужно связываться напрямую с владельцами ресторанов. Но они все общаются между собой, и, если в одном месте публика на данного артиста не соберется, это моментально станет известно, и в других клубах от него сразу откажутся.

— Как определяются расценки на исполнителей, и насколько они отличаются от гонораров российских клубов?

— Расценки там у тех же артистов, что выступают здесь, на порядок ниже. Но бывает так, что какому-то хозяину нравится конкретный певец, тогда он может заплатить ему, сколько захочет.

— То есть, повсеместно бытующее ныне в кулуарах мнение, что основные деньги сейчас здесь, а не там, верное?

— Абсолютно. Там денег нет. Если музыкант получает 2 тысячи долларов в месяц, значит, он в полном шоколаде.

Дабы, уважаемые читатели, вы осознали, о каких смехотворных суммах идет речь, скажу вам, что даже не центровые московские клубы без вопросов платят артистам второго эшелона от 400 до 1000 долларов за 40-минутное «фанерное» выступление. Рыдать хочется над горькой долей солдатов-соотечественников, покинувших родные пенаты. А уж когда слышишь, какие взаимоотношения царят в их среде... «Музыканты там абсолютно недружны и несолидарны, — рассказывает Медяник. — Отношение друг к другу очень жесткое. Я пытался как-то сплотить всех в эти пять лет, но наталкивался на сплошное отторжение. Потому мне и неинтересно стало там плавать».

— Получается, наши музыканты в Америке между собой практически не общаются и на презентации и дни рождения, как принято в России, друг к другу не ходят?

— В Нью-Йорке есть американский ресторан «Эль Греко», куда обычно ночью, после работы съезжаются отовсюду исполнители. Закусывают, разговаривают, выпивают, строят планы. Но, как правило, все на уровне трепы и остается. А русских артистических тусовок там нет.

— В эмигрантском шоу-бизнесе тоже существует столь же жесткая конкуренция и противостояние кланов и корпораций, как в российском?

— А там нет как такового шоу-бизнеса. Все влияние идет из России. Артист становится известным на Брайтоне, только когда он раскрутился здесь. Обратная реакция началась. Когда-то в России наблюдался повышенный интерес к эмигрантским исполнителям, теперь наоборот.

— Так кто же короли русской песни в Новом Свете?

— Шуфутинский, Успенская, и практически все.

То, что исполняет Медяник сегодня, все-таки подпадает под обтекаемо названный жанр «городского романса», то, что пел он не так давно, вообще называлось блатной песней. На одном только альбоме «Шкурный вопрос» у Славы обработки восьми песен Аркадия Северного. Однако сам музыкант уверен, что поет что-то

иное, а в той стилистике, о которой толкую я, потребности ныне нет ни здесь ни там. «Тяга к этим песням сошла на нет года два назад. Хотя изначально в эмигрантской среде они преобладали. Возможно, от того, что в первой волне новой эмиграции, лет 20 назад, присутствовало изрядное количество обеспеченной криминальной элиты: «цеховики», спекулянты, блатные. Сегодня в этом жанре продолжают работать только давно зарекомендовавшие себя «киты», а любой новый артист, стремящийся выделиться посредством такого репертуара, сразу же становится не интересен».

И еще Слава сетует на то, что ликвидация «железного занавеса» кардинально размывла лик нашей эмиграции. «Хлынул поток какой-то шантрапы, несолидной публики». И приезжающим на гастроль именитым соотечественникам перестали делать подарки. «А те, кто в Штатах уже давно и прочно стоят на ногах, вообще стараются не тусоваться в таких местах, как Брайтон, а тяготеют к обществу уважаемых американцев».

— Тебе приходилось устраивать чьи-нибудь выступления на Брайтоне?

— Да, я организовывал американский тур Кальянову, Резнику. В ночном клубе «Северный», где я работал, устраивала прощальный ужин Пугачева. Постарался обеспечить ей спокойную атмосферу.

— Кого еще встречали в «Северном» аналогичным образом?

— Ой, да перечислять устанешь. Кобзон, Розенбаум, Петросян, Фрейндлих (прекрасная женщина), Киркорова, Абдулова, Лено Филатова.

— Каждый из них тоже просил, чтобы его тщательно оберегали?

— Нет. А Пугачева, кстати, официально не просила. Просто предполагалась подобная ситуация, и я сам позаботился об этом из уважения к ней. А Розенбаум, Кобзон приходили с такими крутыми компаниями, что там в принципе охраны и не требовалось.

— Короче, пикантных казусов не случилось?

— Был обратный случай, когда уже эмигранты оказались в шоке. Как-то в «Национале» работала Маша Распутина. Публика пару песен послушала и принялась за трапезу, так Маша прекратила выступление и сказала что-то типа: «Вы что, жрать сюда пришли?!» Конечно, после этого о приглашении ее в другие рестораны и речи быть не могло. Она стала этаким персоной нон грата.

— Ты можешь назвать пример самой трагической, на твой взгляд, судьбы среди музыкантов русской эмиграции?

— Когда-то очень популярным считался ресторан «Садко». В нем работали все. И среди премьеров был певец Мирлас. На его выступления люди ломились, у входа в ресторан стояли очереди. Известность была редчайшая. И, видимо, он не выдержал испытания славой, сломался, ввязался в наркобизнес, его, вероятно, подставили, посадили и, кажется, он сидит до сих пор. Теперь его почти никто не помнит.

— Как ты думаешь, после Шуфутинского, Успенской, Токарева у нас появится плеяда новых исполнителей, с которыми станут ассоциировать эмигрантскую эстраду, или этот термин уйдет в историю и останутся лишь российские исполнители, периодически отправляющиеся поработать за океан?

— Совершенно точно. Там все сходит на нет. Эмигрантская эстрада заканчивается. А звезды из России едут охотно. Гонорары там меньше, но они же могут еще и отдохнуть, посмотреть страну. Им ведь все оплачивают: дорогу, проживание в солидных отелях. А те, кто творит там, стараются создать качественный продукт и заработать в России. Так что эмигрантская музыка как понятие, как стиль исчезает.

Михаил МАРГОЛИС, «Неделя».